

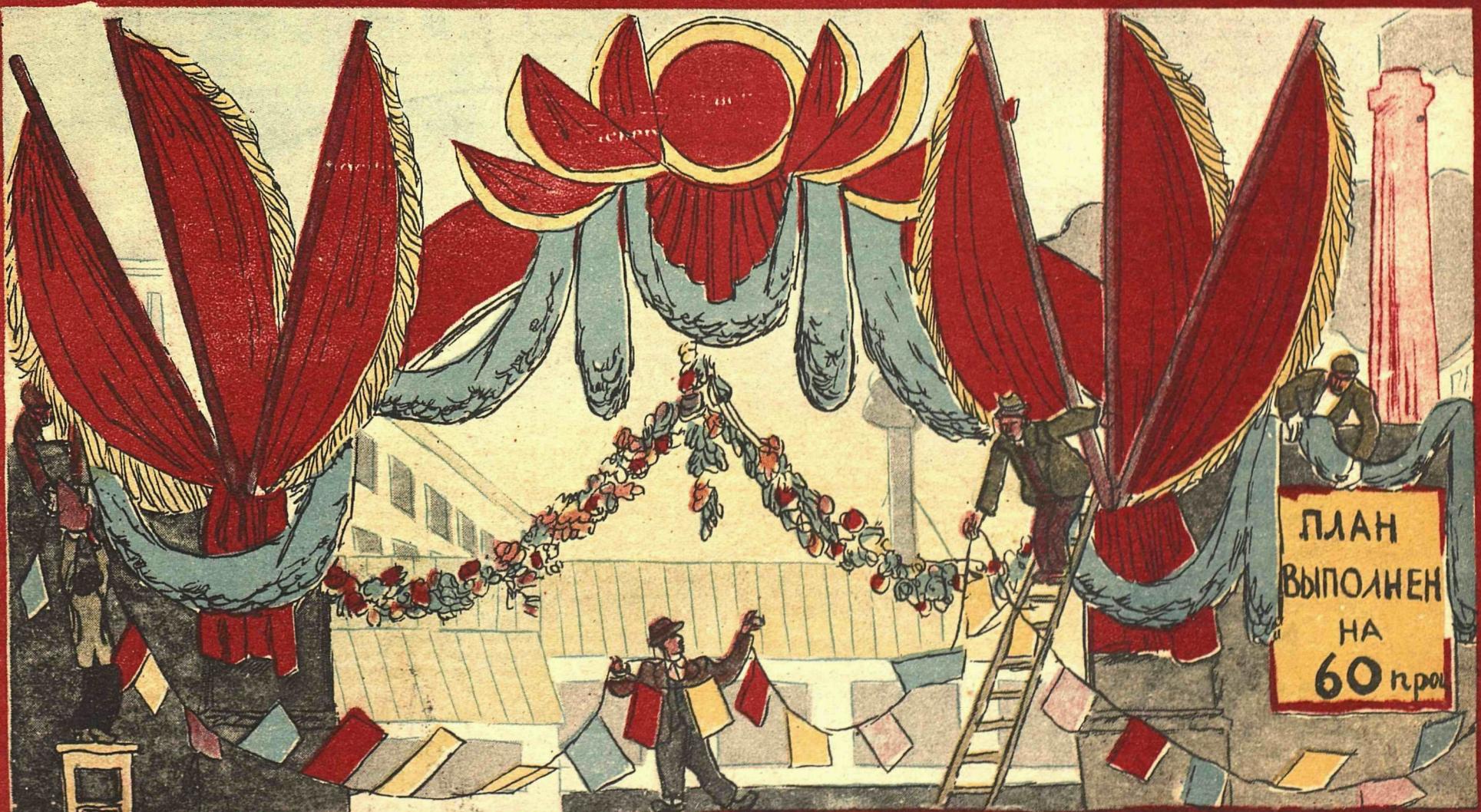
К Р О К О Д И Л

К556
46Г

ДА ЗДРАВСТВУЕТ **XXIX** ГОДОВЩИНА
ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Удачное оформление

Неудачное оформление

Ещё одна страница истории.

О СОВЕТСКОМ ОПТИМИЗМЕ

ЕСЛИ БЫ можно было составлять сводки мировых политических настроений, как составляются метеосводки, то карта мира выглядела бы приблизительно так: густая облачность, тяжёлые тучи неверия и уныния нависли над Западом; над США низкое, пессимистическое давление; в районе капиталистической печати многочисленные осадки; небо расчищается в направлении Востока. Над Советским Союзом — ясное небо и высокое, оптимистическое давление...

Однако мировое бюро политической погоды пока не организовано, и наука ещё не изобрела психометров — точных инструментов для определения политических настроений. Но это не значит, что они неуловимы. Мы можем сказать с полной уверенностью, что зона мирового оптимизма находится в области Советского Союза и прилегающих к нему стран, в то время как зона пессимизма распространена всего больше на крайнем западе Европы и в США.

Климатические зоны изменяются очень медленно. Они относительно неподвижны. Зоны пессимизма и оптимизма перемещаются. Полтора года назад мировой полюс пессимизма находился над гитлеровской Германией. Оттуда на весь мир раздавались крики отчаяния. Погибая под ударами советской и союзных армий, гитлеровцы кричали, что погибает весь мир. Это был обман и самообман политических банкротов. Земля не повисла в межпланетном пространстве после того, как повесили в Нюрнберге главарей фашизма. Она продолжает своё движение. Двигается вперёд и история человечества, которую фашистские пессимисты хотели повернуть вспять и остановить навсегда.

После разгрома гитлеровской Германии полюс мирового пессимизма переместился в Америку. Зона его весьма обширна и включает Англию. Публицисты капиталистической печати носятся над двумя океанами, как чайки перед бурей. Они пронзительно кричат противными голосами о конце мира, о предстоящем крахе мировой цивилизации, о неизбежной в ближайшее время третьей мировой войне. В министерских кабинетах, в университетах, в политических партиях сидят лысые кассандры и чревоуещают человечеству неминуемую беду. Бывшие люди заделались комивояжёрами пессимизма и развозят по разным странам образчики своего чёрного товара.

В зоне пессимизма народами владеют чувства неуверенности и тревоги. Бродят призраки грозной безработицы, неумолимого экономического кризиса. Отовсюду слышны голоса: — Быть беде! Быть беде! Робких людей запугивают успехами науки и успехами демократии. В мистическом трансе шаманы литературы заклинают историю и, в противоположность Фаусту, восклицавшему: — Остановись, мгновение, ты прекрасно! — они вопят истошными глосами: — Прекратись, жизнь, ты ужасна!

Нет ничего нового в этом пессимизме. Каждый сходящий с исторической сцены господствующий класс был убеждён, что вместе с ним погибает мир. На своём закате рабовладельческий Рим хоронил культуру в литературе, исполненной глубокого пессимизма.

Феодалная аристократия во Франции накануне буржуазной революции цинично восклицала: «После нас хоть потоп!»

Философ империализма Шпенглер отпел европейскую культуру в панихидной книге «Закат Европы». Фашизм вырос из циничного отри-

цания прогресса человечества и из откровенной проповеди каннибализма.

Отмирающее общество выделяет пессимизм, как продукт своего разложения.

Оптимизм — это естественная атмосфера молодого, растущего, жизнеспособного общества. Поэтому полюс мирового оптимизма находится над Советским Союзом. У нас нет истерических пророков грядущей беды. Нам ненавистны реакционные кликуши. Мы не знаем в своей среде продажных плакальчиков, размазывающих по лицу фальшивые слёзы.

Советский оптимизм ничего общего не имеет с беспечностью, беззаботностью, легкомыслием. Советские люди знают, в каком мире они живут. Они видят всё, что происходит за рубежами их страны. В политических бурях нашего времени советские люди видят не конец мира, не катастрофу культуры, а начало новой эпохи, которая уже пришла вместе с победой социализма в Советской стране и которая идёт вперёд.

Оптимизм и пессимизм ведут борьбу между собой на протяжении всей мировой истории. Средневековые пророчили миру его близкую гибель, изгоняло смех, веселье и радость из жизни народов, плакало и проклидало, закрывало лицо от солнца и освещало историю огнём костров, на которых сжигало лучших людей.

Средневековые были побеждены оптимизмом Возрождения, ясным светом материалистической науки, революционными песнями народов о борьбе и счастье.

Фашизм, как крайнее выражение разбойничьего империализма, пытался отбросить человечество к временам средневековья. Германия завесилась коричневым покровом от солнца истории. Снова запылали в Европе зловещие костры. Механизация человекоубийства создала ужасные майданеки и освенцимы... Страшные годы! Но оптимизмом нового, социалистического Возрождения побеждены и эти мрачные тени. Зона оптимизма расширилась. Возникла новая демократия на востоке и юге Европы.

Жизнеспособное дыхание социалистического оптимизма распространяется по миру.

— Пропганда! — кричат в злобе фабриканты пессимизма.

Точно с таким же основанием можно обвинять солнце в том, что оно пропагандирует свет и тепло. Когда Советская Армия наносила смертельные удары по самому значительному очагу мирового пессимизма, она пропагандировала силу советского оптимизма, советской веры в торжество подлинной демократии. Это была очень убедительная пропаганда, и её приветствовало всё передовое человечество.

Впрочем, Советский Союз несколько не претендует на монополию оптимизма. Советские люди рады, когда вера в победу трудящихся прорывает мрачные тучи в зоне пессимизма. Где подлинный, светлый оптимизм, там и живая, подлинная демократия.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

Парад в Лоеве

РАЗВЕДЧИКИ привели к Ковпаку жениха, невесту, шаферов, кучу полицаев, а коменданта города и вахмистра немецкой жандармерии — в одном исподнем белье. Под конвоем разведчиков шествовали форменные персонажи из оперетты.

Оказывается, в городке была у полицаев свадьба, на которой гулял и местный немецкий гарнизон. Партизанские разведчики Цимбал и Черёмушкин своим неожиданным визитом разстроили свадьбу и привели её к Днепру, к Ковпаку и Сабурову на паром.

В тот же день партизанские соединения заняли город Лоев в тылу врага.

А на завтра, 7 ноября 1942 года, утром, по приказу командования соединения состоялся парад на главной улице Лоева, куда стеклось всё население городка.

Нельзя сказать, что это был парад в полном смысле слова. Хотя все рода оружия: артиллеристы, пулемётчики, кавалеристы и пехота — старались по возможности причеуриться, но всё свелось к тому, что конники ещё больше выпустили казацкие чубы, пехота лихо посадила набекрень кепки, фуражки и пилотки, подтянуты были ремни и подкручены усы. Шутка сказать, парад в немецком тылу! Партизаны старались идти стройными рядами и громко пели любимые песни.

В те дни партизанскому соединению особенно нужно было, чтобы немцы преувеличили наши силы. Ковпак приказал, чтобы подразделения проходили перед трибуной по два—три раза. Ковпак и Сабуров стояли на немецкой трофейной машине и принимали парад.

Партизаны, конечно, быстро сообразили, к чему клонится маневр командования, и развели такую самостоятельность, что парад длился более трёх часов...

В глухих переулках и на окраинах городка шло нескончаемое «перестроение» и переодевание. Одна, допустим, пушка проходила перед трибуной по шесть—семь раз.

— Что ты мне запрягаешь вороных коней, я уже на вороных проходил, — кричал какой-нибудь командир орудия, — запрягай мне гнедых!..

— На тебе мою пилотку, давай мне фуражку и давай пиджак сменяем!..

А пехоты шло видимо-невидимо...

— Я сам не зная, что у мене стільки войска, — усмехаясь, говорил Ковпак.

В это время по улице мимо зрителей и немецких шпионов мчался лихой конник и громко спрашивал другого конника:

— Где командир третьей дивизии?

— Штаб дивизии вот там, за углом, а командир возле командующего находится.

— А командир первого кавполка?

— Где-то впереди.

А вся наша кавалерия в те дни состояла из одного взвода Миши Федоренко, который всё время «перестраивался» и снова проходил по главной улице.

Парад продолжался бы ещё долго, но командиры прикинули, сколько прошло войска, и сказали:

— Хватит! Народ ещё прибавит, и немцы будут довольны...

В последующие дни к нам поступали сведения, что «через Днепр прорвалась сорокатысячная советская армия в составе нескольких пехотных дивизий, артиллерии, кавалерии»...

Страшная сила!

Немецкие гарнизоны, напуганные этой молвой, в страхе бежали ещё до нашего появления перед тем или иным городком или местечком.

Замысел удался.

Я думаю, что сегодня уже можно раскрыть секрет... Нас всего было две с половиной тысячи человек, включая обоз и прочий второй эшелон.

П. ВЕРШИГОРА,
Герой Советского Союза,
генерал-майор

Рис. В. Горяева

ВОЙНА И МИР

— За что у вас две медали?

— Одна — «За победу над Германией», а другая — вот за эту «Победу».

Молодым деревенским пареньком ушёл в Красную Армию из сельскохозяйственной артели «Путь социализма» колхозник тов. Котиков. Сейчас генерал-майор Котиков — советский командант Берлина.

Рис. М. Черемных

ДОЛГ ПЛАТЕЖОМ КРАСЕН

— Хотели немцы нашим селом управлять, — не вышло. А наше село вот коменданта им в Берлин послало. И ничего, справляется.

ИЗ ПОЛЕВОГО БЛОКНОТА

Когда после разгрома немецкой группировки наша часть переправлялась на правый берег Днепра, регулировщики шутили:

— Держитесь правой стороны, товарищи! Держитесь крепче!

Бойцы улыбались:

— Не беспокойтесь, девушки! Наше дело правое и на левой и на правой стороне.

Бомбы имели какое-то странное свойство: они всегда падали в двух шагах от очевидцев.

Подготовка к Яссы-Кишинёвской операции, в частности южнее Бендер, велась в абсолютной тайне от противника.

Как-то, сопровождая командира соединения, осматривавшего плацдарм накануне наступления, командир полка обратился к нему:

— Разрешите узнать, товарищ генерал, как вы находите расположение наших батарей?

— Нахожу... с трудом. С большим трудом! Подполковник получил благодарность за отличную маскировку.

На передовой в минуты затишья на проводе два телефониста обмениваются впечатлениями:

— Ну, как у вас на участке?

— Добре. Не даём немцам жизни. А у вас?

— У нас наоборот: даём немцам жизни.

Оба покатываются со смеху.

— Та це ж... Та це ж, — захлёбывается в трубке третий телефонист-украинец, — як бы единство прогиволожностей получается...

Мы подъезжали к болгарской деревушке на берегу Дуная. Вечерело. Усталые и голодные с дороги, мы решили заночевать.

Я постучал в ближайшую хатку. Вышла старушка. Радушно приветствуя, она с интересом разглядывала нас.

— Разрешите переночевать, хозяйюшка! — я

приложил ладонь к щеке и показал, как мы будем ночевать.

Старушка улыбнулась и отрицательно покачала головой.

— Тогда, может быть, умыться можно? — я провёл ладонями по лицу.

Она ещё шире улыбнулась и ещё энергичнее закрутила головой.

Это неприятно изумляло.

— Ну, а кружка воды у вас найдётся? Пить, пить!

Старушка была неумолима.

Я пожал плечами и отошёл. Старушка кинулась вслед, схватила меня за полу шинели и потащила в комнату.

Через полчаса, вместе с хозяевами, мы сидели за нарядно убранным столом, запивали яичницу кисленьким вином и, весело комментируя недавний «инцидент», дивились болгарским обычаям.

Когда болгарин хочет сказать «да», он отрицательно качает головой.

Ал. ВАСИЛЬЕВ

НАША РАДИОПЕРЕКЛИЧКА

Рис. Бор. Ефимова

КОМБАЙНЕР А. ОСЬКИН

— Алло! За что я угодил
В ваш злоязыкий Крокодил?

**КОНСТРУКТОР
Л. ЛЕБЕДЯНСКИЙ**

— Алло! А я за что попал
В ваш обличительный журнал?

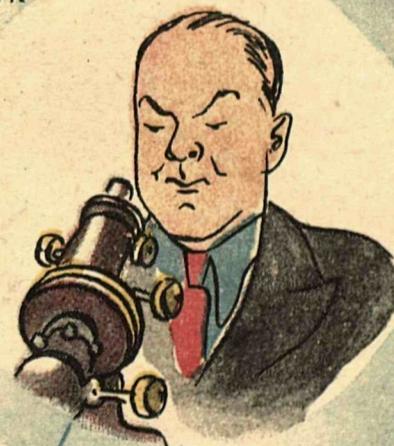
ТКАЧИХА МАРИЯ ВОЛКОВА

— За что, скажите, угодила
Я на страницы Крокодила?

КРЕПИЛЬЩИК тов. ГЛУХИХ

— А мне за что пришлось попасть
В твою безжалостную пасть?

**ПРОФЕССОР
П. БУДНИКОВ**

— Я тоже очень удивился,
Что в Крокодиле очутился.

КРОКОДИЛ

— Прошу простить, друзья, за беспокойство!
Я — Крокодил. Но свойственно и мне,
Оставив вилы в стороне,
В день праздника почтить высокое геройство
Людей, своим трудом прославленных в стране!..

ВСЯКОЕ БЫВАЕТ...

КАК ОТЧИТАЛИ «ЗНАМЕНИТОГО СТАХАНОВЦА»

Я ПРИШЕЛ на бакинский машиностроительный завод имени Димитрова на второй год войны, временно прервав учёбу в школе. Горячая привязанность ко всякого рода технике свойственна была мне с детства, и сейчас это сыграло положительную роль. Я вскорости освоил добрую половину станков в своём цехе, а затем начал успешно придумывать к ним различные нехитрые приспособления.

Похвалы посыпались на мою голову, и я маленько зазнался. Заработок вырос, я начал курить, хотя меня поташивало от дыма. Главным образом я старался придать этакое независимое выражение своему лицу, перенял развинченную походку от одного знакомого футболиста, без надобности прищуривал глаза и залихватски сплёвывал. Это не мешало мне, правда, заниматься любимым делом, и одно из технических приспособлений к винторезному станку, придуманное мной, по подсчётам специалистов, принесло немало экономии в материалах и в деньгах.

Завод, как все бакинские предприятия, выполнял заказы на оборону. Нас часто посещали военпреды. Однажды приехал на завод подполковник, — он, видать, был начальником военпредов, его сопровождала целая группа офицеров. Случилось так, что я как раз гулял по двору. Шли к исходу третьи сутки, как я не покидал завода, и начальник цеха буквально выгнал меня. «Пойди, — сказал он, — пройдишь немного, подыши воздухом». Увидев военных, я решил дышать воздухом по соседству с ними. А для пущей важности держался весьма независимо, как-то по-особенному запрокинул голову, курил и, конечно, сплёвывал. Неожиданно подполковник взвился прямо на меня. Нахмурился он и быстрыми шагами подошёл ко мне.

— Ты что ж это, пацан, разгуливаешь? Думаешь, здесь тебе детский сад?

А если детский сад, то разве полагается в нём курить?

И повышенным, раздражённым тоном он прочитал мне целую нотацию.

Я что-то пробормотал в ответ, повернулся и пошёл в цех.

— Надыхался воздухом? — спрашивает начальник.

— Да уж, чуть не задохнулся! — пробурчал я.

Проходит немного времени, бежит секретарша директора. И прямо ко мне:

— Вася! Сейчас же умой руки и лицо. Там какой-то большой начальник приехал, насчёт твоего приспособления. В цех идёт...

Мыться я не стал: на работе, чай. Но, конечно, немного подтянулся. И вот входит в цех тот самый подполковник вместе с директором, главным инженером, офицерами. Директор ведёт всю группу прямо к моему станку. Я стою — ни жив, ни мёртв.

— Знакомьтесь, — говорит директор, — наш стахановец и рационализатор Василий Бодров.

Гляжу я на подполковника, а он сначала будто растерялся, а потом как расхохочется. Все удивились, один только я понял, в чём дело. Протянул он мне руку, потом похлопал по плечу и сказал:

— Ничего, малец, не обижайся!

Осмотрел подполковник приспособление, обо всём расспросил. А перед уходом сказал мне вполголоса:

— А ведь я не совсем был неправ, а? Может, тебя это не касается, но многих из твоих приятелей — безусловно. И прошу я тебя, показывай им пример не только у станка, а всем своим поведением.

Василий БОДРОВ,
слесарь бакинского машиностроительного завода.

г. Баку.

НАКАЗ ШТУРВАЛЬНОГО

СЛУЧИЛАСЬ этим летом у меня досадная история. Подходит ко мне в самый разгар работы штурвальный Михаил Пильгяй и говорит:

— Что делать, Анна Яковлевна? Сломался шатун режущего аппарата на комбайне.

— Зарезал ты меня, Михаил, — отвечаю, — простоят теперь без дела агрегат.

— Не я шатун делал, — говорит Пиль-

гяй, — фабричная работа, я за неё ответственность не несу.

— Мне от твоих рассуждений не легче, — отвечаю. — Иди в деревню, разыщи столяра и помоги ему выточить новый шатун.

Стоит Пильгяй, мнётся, вижу: неохота ему в деревню идти. Злость меня взяла.

— Ты что время зря теряешь? — спрашиваю. — Ты кто: помощник мой или на гастроль сюда приехал?

Посмотрел на меня штурвальный и говорит:

— Анна Яковлевна, я дисциплинированный работник и твоё приказание выполняю. Но дозвожь мне, Анечка, поговорить с тобою не как с начальником агрегата, а по-семейному.

Надобно сознаться, что Михаил Пильгяй приходится мне мужем, но на работе я родства не признаю. Муж — мужем, а комбайн — комбайном. Я начальник, а ты мой помощник. Значит, выполняй мои распоряжения.

— Поверь мне, — говорит Пильгяй, — что пока я схожу в деревню, разыщу столяра, тот начнёт вытачивать, потом мы будем примерять, пройдёт два дня. Дозвожь мне самому это сделать. Пусть только повариха огонь разведёт.

Поддалась я его словам. Не прошло и трёх часов, как Пильгяй снова подходит и говорит:

— Анна Яковлевна, твоё приказание выполнено. Самодельный шатун готов. Запустили комбайн. А сама волнуюсь. Думаю, полетит твой шатун к дьяволу. Даром три часа потеряли. А Пильгяй машину ведёт и ухмыляется.

На другой день я доложила директору МТС и попросила выписать фабричный шатун. Его доставили на поле. А Пильгяй с явным неудовольствием положил шатун на комбайн и не стал менять. И поверьте, так всё лето проработали на самодельном шатуне.

Когда я уезжала в Москву на октябрьскую сессию Верховного Совета, Пильгяй мне и говорит:

— Анечка, у меня к тебе свой наказ. Как увидишь комбайнерок, расскажи им про этот случай. И добавь, что если кто из них имеет мужа в помощниках, то не мешает послушать его совета и на работе.

Анна БУКАЛ,
депутат Верховного Совета СССР
Щетинкинская МТС,
Минусинский район,
Красноярский край.

«ИТАЛЬЯНЦЫ» МИША И ВАСЯ

ЭТО было в одном из населённых пунктов на границе с Югославией. Комендант города Т. жестоко издевался над местным населением. Партизаны решили его убрать. Дело это было поручено двум партизанам моего отряда, действовавшего в этом районе.

Гарнизонную службу в Т. несли итальянские фашисты. Миша и Вася — таковы были партизанские клички этих двух бойцов — прежде всего раздобыли итальянские мундиры и карабины. Затем они разучили популярную итальянскую песенку.

И вот среди бела дня по дороге к Т. появились два итальянских солдата. Весело напевая, они спокойно, без всяких препятствий, прошли через все заставы, миновали охрану у городских ворот и благополучно добрались к пристанищу коменданта.

Не знаю, с той же песенкой или с другим напутствием отправили Миша и Вася немца на тот свет, но задание своё они выполнили блестяще. Надо было, не теряя лишнего времени, возвращаться в свой отряд.

Но как? Той же дорогой, которой они пришли в город, было рискованно. Лучше всего, чтоб не навлечь на себя подозрений, пройти другой дорогой. Но этот единственный путь был отрезан: второй выход из города охранялся особенно усиленно. Оставалось только подняться вверх, в горы. Но это означало быть всё время на виду у врага, служа для него прекрасной мишенью.

СЧАСТЛИВАЯ ОХОТА

В ВОЕННЫЕ годы на фронте находилась филиал государственного театра имени Вахтангова, коллектив которого двигался вместе с частями Красной Армии. В дни, когда наши воины уже громили фашистов на германской территории, с двумя актёрами филиала, Мочаловым и Москвиным, произошёл следующий случай.

Наши части вели бой за один немецкий город. Возле города густой лес, а в лесу, как правило, водится дичь. И вот товарищи Мочалов и Москвин, оба страстные охотники, воспользовавшись свободным часом, решили пострелять фазанов.

Идут по лесу, кругом — ни души. Вдруг собака сделала стойку на куст. У охотников зачесались руки. Тихо, опасаясь испугнуть дичь, стали приближаться охотники к кусту.

Подошли — и от удивления рты разинули: под кустом спали три огромных «фазана»... в немецких мундирах. У каждой из «птичек» в лапах была крепко зажата винтовка.

Актёры тут же устроили военный совет. Как быть? Противник превосходит их и численностью и вооружением. К тому же не исключено, что где-нибудь

Выбирать было некогда, с минуты на минуту убийство коменданта могло обнаружиться, поднимется тревога, олава, погоня...

...Один за другим прозвучали несколько выстрелов, а затем заговорил автомат. Тревога началась... Миша, придя в себя, увидел, что тревогу поднял... Вася. Увлекая за собой Мишу, Вася, продолжая стрельбу, инсценировал погоню за партизанами, появившимися якобы в горах.

— Ола-ла!.. Ола-ла! — кричал он во всё горло и, как бы преследуя партизан, поднимался вместе с Мишей всё выше и выше в горы. Они уже были в пятистах метрах от логова врага, когда итальянцы очухались, быстро снарядили отряд и, вконец одуроченные Васей и Мишей, отправили его... им в помощь.

Оба храбреца благополучно вернулись в свой партизанский лагерь. А итальянский отряд народные мстители перестреляли: в живых не осталось ни одного фашиста.

П. КОВАЛЕНКО,
Герой Советского Союза.

рядом почивают и другие «фазаны». Пожалуй, надо просить подкрепления. Так и сделали. Мочалов побежал в соседнюю часть, Москвин остался сторожить куст.

Помощь подоспела.

— Руки вверх! — крикнул немцам один из подошедших бойцов.

Те проснулись — и сразу за оружие. Началась перестрелка, во время которой один из гитлеровцев был убит.

В разгар стрельбы ожили ещё два соседних куста. Под ними тоже оказались гнёзда, в которых устроились «птицы» в немецкой форме. Троице удалось бежать, трое выпорхнули с белыми платками в высоко поднятых руках.

Фазанов в тот день не удалось подать к обеду. Но охотники были вполне довольны выпавшей на их долю добычей и с превеликим аппетитом ели обыкновенные котлеты из говядины. За столом они рассказывали подробности счастливой охоты, стараясь, елико возможно, придерживаться истины: рядом сидели бойцы, участвовавшие в поимке «фазанов».

А. ОРОЧКО,
заслуженная артистка РСФСР

ЗНАКОМСТВО В СТЕПИ

АВТОМОБИЛЬ, бежавший по степной дороге, резко затормозил и, поровнявшись с грузовиком, в моторе которого копался шофёр, остановился.

Из автомобиля вышел человек в лёгкой спортивной куртке. Человек был дородной комплекции и поминутно вытирал платком щёки и шею, по которым катились капли пота. Из-за грузовика показался молодой офицер с букетиком полевых цветов.

— Наш драндулет застрял и, видимо, надолго, — сказал офицер водителю легковой машины, — а мне срочно нужно в город, не подвезёшь ли, дружище?

— Почему же не подвезти, садитесь, пожалуйста, места хватит, — ответил человек в спортивной куртке и, посадив офицера рядом с собой, уселся за руль, включил зажигание, дал газ, и густо запудренная пылью машина рванулась вперёд.

Офицер вынул из кармана портсигар и предложил водителю папиросу.

— Спасибо, я не курю...

— Зря, отличные папиросы...

— Не хочу отравлять организм и вам не советую...

— Вот ты какой, ну, что ж, не хочешь и не надо, — ответил офицер и, повернувшись лицом к открытому боковому окошку, ловко выпустил изо рта сизый дымок.

Разговор не клеился. Вдруг молодой офицер не выдержал молчания:

— А ты где работаешь, наверно, на строительстве?

— Да, на строительстве...

— А Логинова, начальника стройки, знаешь?

— Как не знать, знаю, — ответил водитель.

— Он у вас, говорят, строгий, чуть что...

— Ну, не так, чтоб уж очень... Но строговат, это правда.

— Значит, человек с характером?

— Известное дело...

Офицер облегчённо вздохнул, когда машина въехала в городок. На главной улице водитель, по просьбе своего спутника, затормозил возле большого каменного дома с колоннами у подъезда.

— Спасибо, что подвёз, а это тебе десятка за услуги. Пригодится, если не на папиросы, так на другое.

— Нет, мне ваших денег не нужно. Я хорошее жалованье от государства получаю.

— Да ты бери, не стесняйся, я ведь знаю: ваш брат, шофёр, любит иногда налево заработать.

— Оно, конечно, всякое бывает...

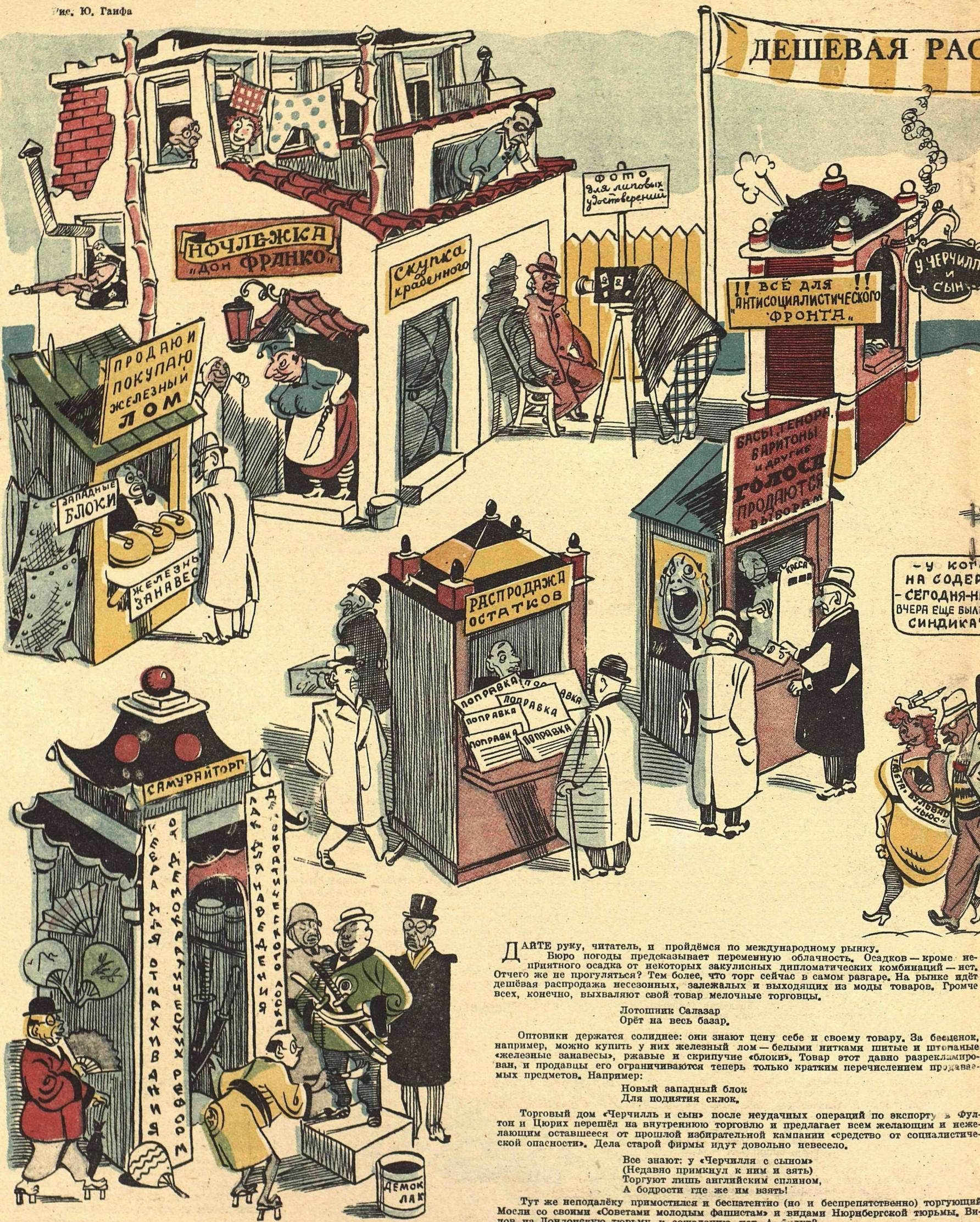
— Однако с тобой, видно, не сговоришься, прощай, — бросил на ходу офицер и с силой захлопнул дверцу автомобиля.

Через некоторое время ко мне приехал новый горвоентком.

— Рад познакомиться, — сказал я, поднимаясь из-за письменного стола навстречу входившему военному. — Э, да мы старые знакомые!..

Передо мной стоял мой попутчик, молодой капитан... Он был явно смущён... Впрочем, через минуту мы оба уже сидели в креслах и от души смеялись над курьёзным случаем с десятью рублями.

Ф. ЛОГИНОВ,
начальник Днепростроя

ДАЙТЕ руку, читатель, и пройдемся по международному рынку. Бюро погоды предсказывает переменную облачность. Осадков — кроме неприятного осадка от некоторых закулисных дипломатических комбинаций — нет. Отчего же не прогуляться? Тем более, что торг сейчас в самом разгаре. На рынке идет дешёвая распродажа несезонных, залежалых и выходящих из моды товаров. Громче всех, конечно, выхваляют свой товар мелочные торговцы.

Лотошник Салазар
Орёт на весь базар.

Оптовики держатся солиднее: они знают цену себе и своему товару. За беменок, например, можно купить у них железный лом — белыми нитками шитые и шторманье «железные занавеси», ржавые и скрипучие «блоки». Товар этот давно разрекламирован, и продавцы его ограничиваются теперь только кратким перечислением продаваемых предметов. Например:

Новый западный блок
Для поднятия склоа.

Торговый дом «Черчилл и сын» после неудачных операций по экспорту в Фултон и Цюрих перешёл на внутреннюю торговлю и предлагает всем желающим и нежелающим оставшееся от прошлой избирательной кампании «средство от социалистической опасности». Дела старой фирмы идут довольно невесело.

Все знают: у «Черчилла с сыном»
(Недавно примкнул к ним и зять)
Торгуют лишь английским сплянном,
А бодрости где же им взять!

Тут же неподалёку примостились и беспатентно (но и беспрепятственно) торгующий Мосли со своими «Советами молодым фашистам» и видами Нюрнбергской тюрьмы, Видов на Лондонскую тюрьму, к сожалению, нет. А будут?

СПРОДАЖА

Спросите-ка у Мосли,
Но вежлив сей вопрос ли?

«Отатки сладки!» Надрываясь от крика, расхваливает свой товар опторговец всевозможными каракулевыми поправками. Увы, ему не везёт. Эти грубошёрстные поправки отвергаются даже самыми невзыскательными покупателями.

Торгует японским лаком для наведения демократического лоска и веерами для отмахивания от демократических реформ японский «Самурайторг».

Того и жди: торговец-комик
(Конечно, с ведома властей)
Организует чайный домик
Для «демократов» всех мастей.

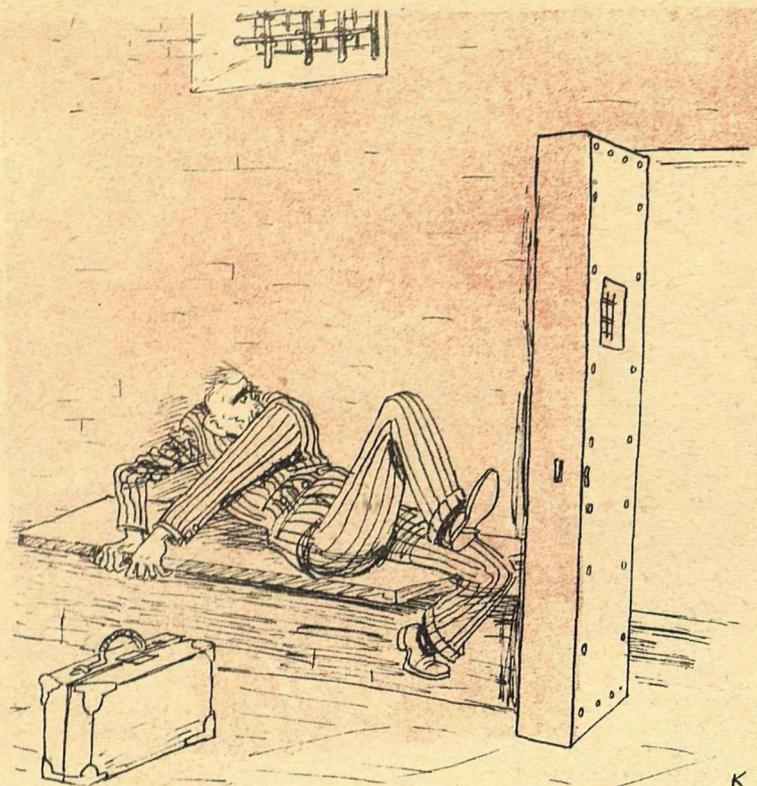
Эйко идёт торговля. Вконец расстаровавшаяся бульварная газетка, за неимением более ценного товара, торгует собой.

Вот Рейно и Даладь пытаются охладить пыл избирателей своими прохладительными напитками.

Но бойся мюнхенского пива
(Хотя б и свежего разлива!),
Учти: вишійская вода
Уже наделала вреда!

Есть на рынке и развлечения для заскучавших покупателей. Вот играет, точнее, подыгрывает кой-кому, на своей визгливой шарманке Роберт Пирсон Райс. Вот под оглушительный грохот шумливого турецкого барабана (и под кой-чью дудку) пляшет не менее шумливый турецко-немецкий генерал Эркилет...

Но осторожней, читатель! Мы около ночлежки Франко! Поскорее уйдём с рынка!

ПОСЛЕ ОПРАВДАТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА
ПАПЕН: — Отпустили на все четыре стороны,
а ни одна сторона не принимает... Прямо хоть
повесься!

СТАРУШКИ-БАБУШКИ

Под деревцем на лавочке
В зелёном во саду
Сидят старушки-бабушки
В двухтысячном году.

Играют возле бабушек
Их правнуки в войну,
Старушки улыбаются:
«Вояки! Ну и ну!
Гляди-ка, танин Мишенька—
Взаправдашний солдат!..
Иди, штаны поправаю я,
Почищу автомат...»

Под деревцем на лавочке
В зелёном во саду
Сидят старушки-бабушки
В двухтысячном году.

«Ну что ты? Поцарапался?
До свадьбы заживёт.
Меня три раза ранило
За сорок третий год.
Не по-пластунски ползаешь,
Стибайся посильней,
Сама бы показала я,
Да совестно людей.»

Под деревцем на лавочке
В зелёном во саду
Сидят старушки-бабушки
В двухтысячном году.

«Ну, что вам нынче задали?
Давай уж помогу».
«Сегодня по истории —
Про Курскую дугу...»
И снова перед бабушкой
Те памятные дни,

Те битвы, где рубились и
Где старились они.

Под деревцем на лавочке
В зелёном во саду
Сидят старушки-бабушки
В двухтысячном году.

«А помнишь, как с гранатами
Ворвались на крыльцо?...»
И крутит от волнения
С гранатами кольцо.
И снова вдруг повеяло
Войной стариной,
И запевают бабушки:
«Закурим по одной!»

Под деревцем на лавочке
В зелёном во саду
Сидят старушки-бабушки
В двухтысячном году.

На головах у бабушек
Густая седина,
А на груди — за взятие
Берлина ордена.
И словно учат правнуки
Истории урок,
И юные полковники
Берут под козырёк.

Под деревцем на лавочке
В зелёном во саду
Сидят старушки-бабушки
В двухтысячном году...

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ,
М. СЛОБОДСКОЙ

ЧЕРЕЗ ДВЕ НЕДЕЛИ

ВИЗГЛИВЕИ всех в городе Лакерица кричал Великошапка:

— Через две недели!

Толстяк похудел, осунулся, поблёл, его костюм украсился пятнами, а физиономия—обильной жёлтой щетиной. Он бегал по городу, энергично сопел и, не жалея слов и жестов, обнадеживал людей «своего круга»:

— Больше двух недель «они» не... я вас уверяю!

Он был не одинок, этот Великошапка. Вместе с ним шумели на двенадцати языках расписные министры, бойкие генералы, расторопные писаки и перетрусившие банкиры всех стран:

— Больше двух недель большевики не продержатся!..

Но на всякий случай... На всякий случай Великошапка поспешил распродать всё своё движимое и недвижимое имущество. Нашлись в городе дурни, которые купили его каменный особняк, имение, рошу, лошадей, трёх охотничьих собак и двух снегирей.

Вырученные от продажи деньги—николаевки и керенки—положил в железный ларец. А ларец закопал в саду, под старой яблоней.

— Через две недели вернусь и вырою ларец,—шешул Великошапка старой яблоне.

Вернулся он через два года. Выкопал ларец.

Какой-то чудак-коллекционер обменял у него эти николаевки и керенки на курицу.

Курица оказалась домашней птицей деликатного воспитания. Она вскоре простудилась, начала чихать, кашлять и не замедлила отправиться в тот мир, где несть ни плача, ни кудаханья, ни пуха, ни пера...

С тех пор прошло двадцать девять лет!

Есть уроженцы Лакерицы, усагие и бородастые, которые никогда не видели ни Великошапки, ни прочих персон, созданных по его образу и подобию. И вряд ли кто из этой молодой людекой поросли знает, что вот здесь, на городской площади, где я сейчас стою, находился особняк господина Великошапки, предводителя дворянства Лакерицкого уезда.

Сейчас этот дом вырос, окреп и похорошел. Его парадная дверь выходит на площадь, в центре которой, купааясь в цветах, возвышается чей-то бронзовый бюст.

Подхожу ближе и читаю золотую надпись: «Дважды Герою Советского Союза Якову Дмитриевичу Валугеву...»

Валугев... Постой, постой... Валугев... Очень знакомая фамилия... Кажется, они жили в Косом переулке...

Но дело не в Косом... Валугев... Двадцать девять лет тому назад... Эта фамилия напомнила мне о многом.

...В Лакерице второй день заседает городская дума. На повестке дня—вопрос «о спасении революции».

В кулуарах, у буфетной стойки, «спасением» увлечены Евлампий Коростелёв («Перец, горчица и прочие бакалейные товары») и Парфён Зудов (чайная «Встреча друзей и разных закусок»).

— Ваше здоровье, Парфён Игнатьич! Да... Того-с... Революция в опасности!..

— Надо спасать!—подтверждает Зудов, опрокидывая рюмку рябиновой.

— А кто её будет спасать?

— Конечно, не я. Меня самого надо спасать. Для этого существуют меньшевики и эсеры и тому подобные... Ещё по одной, Евлампий Егорыч?

А в зале заседаний лидер местной организации кадетов, обладатель роскошных усов Бобёр-Бобровский держит речь, в которой предлагает заклеить позором большевиков.

Вслед за ним выступает меньшевик Цимбалов, пламенный трибун в пенсне на чёрной тесёмке. Он заявляет, что «с одной стороны, не может не присоединиться к предложению уважаемого господина Бобёр-Бобровского, но, с другой стороны...»

Услышав о «другой стороне», председатель немедленно лишает Цимбалова слова. Меньшевик покорно покидает трибуну и, уже садясь на своё место, нервно поправляет пенсне на носу

и бормочет что-то невнятное. Это надо понимать как протест против «цензовых элементов». Слово предоставляется акцизному инспектору Белову, сухопарному господину с хроническим насморком.

Как раз в это время в зал входит группа скромно одетых людей. Они входят тихо, стараясь не топать сапогами, чтоб не мешать ораторам. Вошли и замерли, прислонившись к стене у самых дверей.

Председатель, взглянув на непрошенных гостей, начал почему-то сильно кашлять: его организм, видимо, почувствовал перемену погоды.

Акцизный инспектор, то и дело сморкаясь, прочёл резолюцию, в коей имелось немало сильных выражений против диктаторов, узурпаторов и т. д.

Председатель выдал из себя:

— Ставлю... на голосование... Кто...

От стены у дверей отделился плотный человек с русской бородой. Твёрдым шагом он вышел на середину зала и сурово отчеканил:

— Хватит! От имени ревкома предлагаю этому собранию немедленно разойтись!

И более мягко, с улыбкой добавил:

— Расходись по одному...

Все встали. Тихо, на цыпочках, начали выходить. В дверях была минутная давка: каждый спешил поскорее покинуть зал заседания.

Человек с русской бородой продолжал улыбаться. Это был Валугев. Дмитрий Валугев, коваль из Косого переулка.

Мягкий вечерний сумрак стелился по улице. Под октябрьскими звёздами стояли красногвардейцы, молча сжимая в руках оружие.

Из переулка выскочил Великошапка и, поровнявшись с Бобёр-Бобровским, взвизгнул:

— Это — на две недели!.. Не больше...

И вот сегодня, через двадцать девять лет, читаю на мраморе пьедестала фамилию Валугева. Тот был Дмитрий. Этот—Яков Дмитриевич.

Похож сын на отца. Очень похож!

Г. РЫКЛИН

СЕРГЕЙ ЮТКЕВИЧ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

С В Е Т И Т Е Н И

(ЛИСТКИ ИЗ ПУТЕВОГО БЛОКНОТА)

ФРАНЦИЯ. Лазурные воды Средиземного моря. Эстерельские горы. Курортный городок Канны, в котором обитают в летние месяцы «пик» три — четыре десятка тысяч жителей.

В Каннах осенью воздух прозрачен, как горный хрусталь. Если стать лицом к морю на крайнем фланге набережной Круазет, начинающейся домом муниципального казино, то невооружённым глазом виден на левом фланге замыкающий дом. Там тоже казино. Но не муниципалитета, а частного. Под названием «Пальм-Бич». Экзотическое название! Между прочим, не отечественное, французское, а заимствованное в Калифорнии. В переводе на русский язык это означает «пальмовый пляж». И если левый фланг залит снопами солнечного света и кинооптеров, то на правом фланге тень.

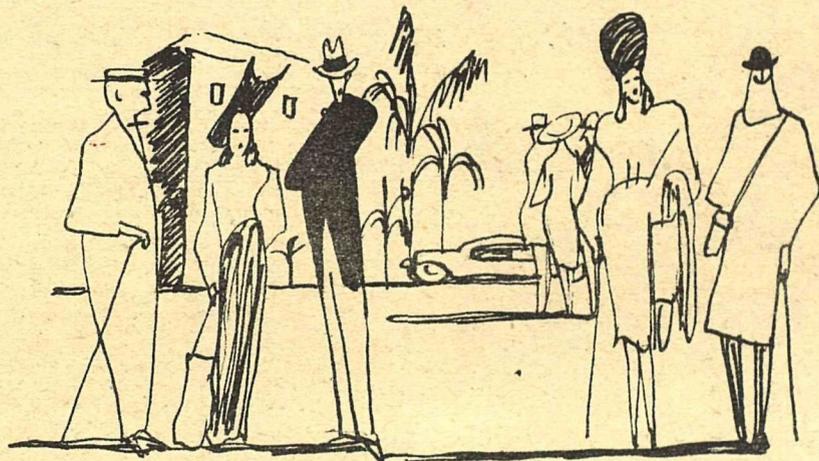
В сентябрьский день в доме муниципального казино открылся международный кинофестиваль. Открытию предшествовал бой. Без артоподготовки, без бомбёжки и ракет, без вмешательства эсминцев, непрерывно путешествующих по Средиземному морю. Это был бой цветов. Красивое зрелище, достойное кинолентки!

песса де ла Тур д'Оверни, барон Филипп де Ротшильд! Их участие в фестивале выразилось главным образом в том, что они забрасывали режиссёров, операторов и сценаристов бесчисленными приглашениями на приёмы, коктейли и суаре. В муниципальное казино они приезжали ежедневно в новых туалетах и незаметно исчезали в тени «Пальм-Бич».

Советский Союз, Франция, Чехословакия и другие страны были представлены творческими делегациями — режиссёры, художники, критики.

Исключением явилась Англия. Её негласным представителем был сэр Артур Ренк, хозяин английской кинопромышленности а официальным — сэр Финдлатер Стюарт.

Зато по набережной Круазет от муниципального казино до «Пальм-Бича» весь день патрулировал специально привезённый взвод шотландских стрелков. В их обычной форме: в юбочках, в клетчатых чулках, перевязанных у колена ленточкой, и с винтовками на плечах. Взвод маршировал под звуки вольнок. Всё, как полагается в шотландских войсках.

Мы купили туристские билеты и были допущены в казино в качестве наблюдателей. Зал, в котором происходила игра, был залит светом, а иссохшие старушки лохотили больше на тени. Все священнодействовали. Дрожащие руки перебирали фишки. Гробовое молчание нарушалось иногда таинственным шопотом крупье. И вдруг хриплый крик вырвался из уст одной старушки:

— Вы аферистка! Я вам не прощу!

С этими словами современная «пиковая дама» бросилась на другую старушку и вцепилась в её булки. Противник применил оружие. В ход пошли лопатки, которыми собирают фишки. Их с трудом разняли и увели к директору казино.

Война прошла мимо Монте-Карло. Как и мимо «Пальм-Бича».

Впрочем, сейчас после известных опытов с атомной бомбой в районе Бикини нашлись дельцы, которые решили использовать это для рекламы.

На многокрасочном плакате нарисованы каляньские трусики и миниатюрный бюстгалльгер. А под ним подпись:

«БИКИНИ»

Купальный костюм 1946 года.

Один известный французский художник остроумно заметил: «Вот всё, что атомная бомба оставила женщине».

Всё нормально! Шотландские стрелки патрулируют в дни фестиваля на набережной Круазет. В Каннах герцоги, маркизы и прочие аристократы из «двухсот семейств» пытаются играть роль мешенатов искусства. В Монте-Карло дерутся старушки.

Иллюстрации Л. Вродатты

Советский Союз был представлен цветочной колесницей, на которой возвышалась башня Кремля. Из-за зубчатых стен вылетели шестнадцать белых голубей. В их клюве не было символических веток, но, казалось, что фултоновским и прочим цистеронам они сообщали, что шестнадцать республик, объединённые в единый Союз, несут миру мир. Голуби летели под ярким светом прожекторов, и крылья их не отбрасывали тени.

На фестивале были тоже две стороны: световая и теневая. На световой находился организационный комитет в составе представителей французского правительства и людей искусства. Это были известные и почтенные граждане Французской республики. Присутствовавшие гости могли беседовать с ними, дискутировать, обмениваться мнениями.

На теневой стороне расположился другой комитет. Его называли «покровительственный комитет». Он состоял из громких фамилий, хотя и мало известных людям науки и искусства. Это были представители «двухсот французских семейств». На фестивале звучали не их речи, а имена. Ну, например, граф д'Эрбэumont, маркиза де Брисак, принцессы Изабелла и Амедея де Брогли, граф Этьен де Ганэй (он же президент яхтклуба), маркиз де Монткальм (он же президент федерации гольфа во Франции), маркиз де Ноблемер (он же президент Компании спальных вагонов), прин-

За те дни, что мы пробыли на фестивале, предприимчивые дельцы умудрились устроить в Канне конкурсы:

- 1) туалетов,
- 2) автомобильной элегантности,
- 3) избрание «Мисс Фестиваль».

В этих конкурсах энергично участвовал «покровительственный комитет», о котором мы писали выше. Выбирали, спорили, доказывали. В результате баллотировки была избрана какая-то девица, но режиссёры и операторы отнеслись к «Мисс Фестиваль» с равнодушием. И этот конкурс и эта «мисс» имели мало отношения к кинофестивалю.

Перед отъездом из Франции мы посетили Монте-Карло, с широко известным игорным домом, притягивающим спекулянтов и любителей лёгкой наживы со всех концов капиталистического мира. В течение шести лет в Европе бушевала война. Миллионы людей испытали на себе ужасы Майданека, Освенцима, Дахау. Французский народ боролся с коричневой чумой. А в Монте-Карло, в карликовом княжестве Монако, ущемляющемся на территории стадиона «Динамо», жизнь шла нормальным ходом. И сейчас всё было так же, как шесть, десять, двадцать лет назад. Правда, посетитель другой пошёл. Старушек больше всего. Вот таких, как графиня Анна Федотозна из «Пиковой дамы». С десяти утра они выстраиваются в длинную очередь.

НА КАРНАВАЛЕ

— Почему этот гражданин не надел маски?
 — Она ему ни к чему, — это наш председатель месткома. Его у нас никто в лицо не знает.

ВМЕСТО ИНТЕРВЬЮ

— ВЫ ПРОСИТЕ рассказать что-нибудь связанное с Октябрьскими праздниками?..
 Генерал прошёлся по комнате, ерша ладонью седой ёжик волос, и остановился против меня:

— Ну, извольте, расскажу...
 Он уселся в кресло и начал рассказывать:
 — Итак, гражданская война. Украина. Вьём немцев. Я команду кавалерийским отрядом. Вся дивизия знала меня под кличкой «тот ротный». Откуда такая кличка? Сейчас доложу.

Однажды, узнав, что соседний полк накануне занял село, в котором у меня на примете была славная банька, я решил съездить туда помыться. Приехал в сумерки, Баня оказалась натопленной, я привязал коня под яблонькой да быстренько на полоч. Только малость распарился, скрипнит дверь и в баню входит другой клиент, кто-то в темноте не разберу. И вдруг слышу, он начинает ругаться по-немецки.

«Так, думаю, угораздило!» Но думать долго нельзя было. Взял я и шаркнул полную шайку воды на раскалённые камни печки. Горячим паром чохнуло, как из паровоза. Немец застоялся, опустился на пол и тычется лицом в угол бани, видать, физиономии от пара охраняет. Я быстро соскакиваю с полка, черпаю шайку горячей воды и нёмцу на спину. Он заорал. А я выскочил из бани, схватил одежду (немецкий жилет по ошибке даже прихватил), клинок и винтовку — через плечо, на коня — и садами на полном аллюре удрал.

В таком вот «садамовом виде» меня и встретил разведка нашего полка. Ну и пошла гулять моя история по всей дивизии. А меня с той поры, как увидят, называют «тот ротный, что...» и так далее, а потом так и осталось «тот ротный» да «тот ротный»...

Наступает канун Октябрьского праздника. В этот вечер решили мы собраться в помещении сельской школы. Комиссаром в отряде был паренёк с киевского завода «Арсенал» Петя Городниченко. Комиссар он был «нештатный», и прозвали его в этот титул мы сами за то, что он очень складно речи сказывал и был в курсе политики.

И вот, значит, ждём мы его на наш Октябрьский вечер. Он как раз поехал с двумя хлопцами в разведку и должен был вот-вот вернуться. Я пока что решил съездить в штаб полка. А без меня произошло вот что: вернулись разведчики и приволокли живого немца. Устроили ему коллективный допрос, но так как языка дикто не знал, то это был не допрос, а сплошная умора. Я ещё шагов за сто от школы хохот услышал. Хлопцы увидели, что я подъехал, и кто-то сказал: «Тот ротный приехал». Как только прозвучали эти слова, пленный немец рухнул на колени и начал плакать и просить чего-то...

Эту картину я и застал. Немец уставился на меня, как на привидение, и зубами лязгает. Я спрашиваю его по-немецки, чего он трясётся. Оказывается, немцы прослышали про мою кличку «тот ротный», но объяснили её по-своему: «тод» — по-ихнему смерть, а «рот» — красный, и получалась у них «красная смерть».

И вдруг Петя Городниченко говорит:
 — Товарищи, у меня такое предложение: давайте пустим этого немца обратно и пусть он идёт к своим и передаст, что правда на нашей стороне и что немцам надо убираться с Украины к чертям.

Всем эта идея понравилась. Стали мы узнавать, кто он, этот немец. Выяснилось, что зовут его Иоганн Штюк и что он из города Свиномюнде, а по занятию — мелкий коммерсант.

На прощанье Петя Городниченко дал немцу общую установку, которую я перевёл на немецкий язык. Установка сводилась к тому, что никакой немец не в силах повернуть историю, что история, как паровоз на полном ходу, и что «наш паровоз летит вперёд, в коммуне останювка».

И вот прошло четверть века с лишком, и вдруг, события сегодняшние и те слились вместе... Полетел я в Германию инспектировать одну нашу оккупационную часть. Работал там недели три, и застают меня Октябрьские праздники. Я решил на праздничные дни слетать к своему старому дружку, он жил в Свиномюнде. Встреча была радостной. Вместе мы провели канун праздника, а утром 7 ноября вышли погулять по городу.

Идём, и вдруг меня как по лбу кто ударил — на дверях одного особняка я вижу эмалированную табличку:

ИОГАНН ШТЮК,
 коммерсант.

Воспоминания вихрем пронеслись в голове. Вспомнился тот наш вечер, когда мы Штюка агитировали в украинском селе, и... я не смог удержаться от азартного желания зайти в особняк. Позвонили. Нам открыла худая девушка, которая по-польски спросила: «Кого вам нужно?» Я ответил: «Иоганна Штюка». Она улыбнулась и сказала: «Проходите». Мы прошли в столовую, я глянул на портрет, висевший в центре комнаты, и сразу узнал нашего Штюка и сказал девушке, что дам нужен именно он. И тогда мы услышали такой ответ:

— Город этот, пань офицеры, как вы знаете, теперь польский, и немцев здесь осталось совсем немного. Что же касается моего бывшего хозяина Иоганна Штюка, то он в самом конце войны был призван и погиб, а вот это (она указала на портреты двух белообрывых отпрысков) — это его сыновья. Они погибли в России...

Меня охватило буйное веселье, а в голове, как сейчас, слышу слова Пети Городниченко: «Скажи ему, что история — это, как паровоз на полном ходу, а «наш паровоз летит вперёд, в коммуне останювка»... Эх, Иоганн Штюк, Иоганн Штюк, вместе со своими отпрысками попали вы под этот паровоз, не прислушались вы к тому, чему мы вас учили четверть века назад в украинском селе.

Вас. АРДАМАТСКИЙ

ДРУЖЕСКАЯ УСЛУГА

НЕНАСТНЫЙ осенний день. Злой, холодный ветер мечется по размокшим улицам районного центра, срывает последние чёрные листья с нагих веток берёз и дубов.

Быстрой рысью бегут куда-то на запад рваные, набухшие тучи. Дождь то пойдёт, то перестанет, — мелкий, нудный, как из испорченной лейки.

На базарной площади грязь по колено, но здесь, в колхозной чайной, тепло, сухо и относительно чисто.

Приятно после осенней мокрети посидеть в теплоте и сухости, попить чайку из пузатого белого чайника, а то и водочки, закусь чем бог послал, послушать патефон, почитать газету или поговорить о жизни с хорошим человеком.

В чайной всегда полно. Подавальщицы носятся, как на роликах, но всё равно не успевают подавать.

Зал басисто гудит, смеётся, сыплет шуточками, гомонит. А патефон на стойке у буфетчика с хватающей за сердце красивой грустью выводит тенором:

«С берёз, неслышен, невесом,
Спадает жёлтый лист.
Старинный вальс «Осенний сон»
Играет гармонист!..»

За столиком у печки сидит пожилой, плотный, усатый мужчина с мощными плечами, туго обтянутыми военной гимнастёркой без погон. На груди у него три медали и орден Славы. Лицо у усача красное, распаренное, подорванное от песни. Далеко-далеко, видать, унесла она его из этого зала!

Но вот к его столику подошёл худощавый цыгански-смуглый низкорослый паренёк в кожаной шофёрской тужурке, сел на свободный стул, скользнул беглым, безразличным взглядом по мечтательному лицу усатого кавалера, и вдруг его зелёные, как у кошки, узкие глаза заглялись весёлым огоньком.

— Эй, друг, — после некоторой паузы сказал он бойким тенорком, — очнись, милый! Бросай свою лирику, сигай сюда, на грешную землю!..

Усач вздрогнул, обернулся и откликнулся хриплым баритоном:

— Чего тебе?

— Ничего конкретного! Просто смотрю на твою усатую, довольно симпатичную физиономию и не могу вспомнить, где я её видел. Посмотри ты на мою вывеску — может быть, и вспомнишь!

Усач внимательно и серьёзно посмотрел на улыбающееся цыганское лицо паренёка в кожаной тужурке.

— Личность твою мне безусловно тоже знакомая, — сказал он с той же солидностью, — только не обессуди, дорогой товарищ, припомнить тебя я тоже не могу.

— Интересная получается ситуация! Тогда... давай, заполняй анкету! Фамилия, имя, отчество?

— Никитов Лука Петров, — по-солдатски отрапортовал усач.

— Никитов?.. Ничего мне твою фамилия не говорит, Лука Петров! Ни синь пороху! А меня зовут Донькин Яков Нильч! Тебе что-нибудь говорит эта благородная фамилия?

— Донькин? — усач пожал богатырскими плечами. — Вроде что-то и говорит, но таким, понимаешь, шопотком — ничего не разберёшь. Откуда родом-то сам?

— Родился я на берегах Невы! — с чувством продекламировал Донькин. — Где, может быть родились вы или блистали, мой приятель!..

— Нет, я под Суздалем... блистал! Деревня Сухой Бор, колхоз «Первенец коллективизации». Слышал?

— Нет, не слышал. Сейчас где работаешь?

— Плотничаю тут по району! Новые избы рублю в колхозах.

— Пафос восстановления! Понимаю! А я шофёром работаю в леспрохозе, сто километров отсюда. Бывал у нас?

— Нет, не бывал. Воевал где?

— На Первом украинском. Танкист. Потом по случаю ранения я генерала возил. А ты?

— Первый белорусский. Сапёр — труженик войны.

— Где же мы с тобой встречались, труженик войны?

— Не знаю, брат! Может, где и встречались. Ведь какой был коловорот! Вся наша Россия сдвинулась с места... Слушай, Донькин, может, мы с тобой в одном госпитале лежали?

Они стали вспоминать госпитали, в которых лечили свои раны во время войны, но всё это были разные госпитали.

Но тут к их столику подошёл громадный человек в брезентовом жёстком, как железо, плаще, с которого на пол шумно стекала дождевая вода, и сказал сердито басом, как из бочки:

— Я тебя ищу, Донькин, а ты тут чай гоняешь! На, распишись на накладной!

Он с сердцем положил на стол бумагу и химический карандаш. Донькин расписался. Никитов взглянул на его подпись — затейливую, с закорючкой, — и вдруг, просияв, улыбнулся широкой, детски счастливой улыбкой.

— Вспомнил я тебя, Донькин! — сказал он, продолжая улыбаться. — Мы с тобой на рейхстаге в Берлине вместе расписывались. Я ещё тебе одну дружескую услугу оказал... В порядке боевого взаимодействия... Помнишь?

Шофёр посмотрел на плотника, тоже весь просиял и хлопнул себя по коленкам.

— Верно! — закричал он, вскакивая с места. — Правильно, мать честная!.. — и, обраща-

ясь к человеку в брезенте, стал торопливо объяснять:

— Когда Берлин взяли, многие наши ходили расписываться на ихнем рейхстаге. Я тоже отпросился у своего генерала, — пошёл. А ростом-то меня природа обидела, — сам видишь, с початок. Эх, думаю, Донькин, Донькин, историческая твоя подпись будет стоять ниже всех! А тут он стоит, сапёр, — уже расписался. Помоги, говорю, браток, в порядке боевого взаимодействия... Дай я тебе на плечи встану!

— Все уши мне сапогами оттоптал! — с той же детской улыбкой сказал плотник. — Зато расписался выше всех!.. Донькин!.. Скажи, пожалуйста, как из головы вылетело!..

Человек в брезенте посмеялся, ушёл. А Никитов и Донькин остались и долго ещё вспоминали славные майские дни в разбитом Берлине, где столкнула их прихотливая солдатская судьба.

Потом шофёр, подняв стаканчик, сказал:

— Давай выпьем, сапёр, за военную русскую славу, за Родину, за нашу работу!.. Тронет ещё какой умник Советскую нашу Россию, мы с тобой опять, где надо, распишемся... если придётся!.. Так, служба?

А зал попрежнему гудел, смеялся, сыпал шуточками, гомонил. А патефон на стойке у буфетчика с прежней красной грустью выводил:

«И словно в забыты
Сидят и слушают бойцы,
Товарищи мои!..»

Леонид ЛЕНЧ

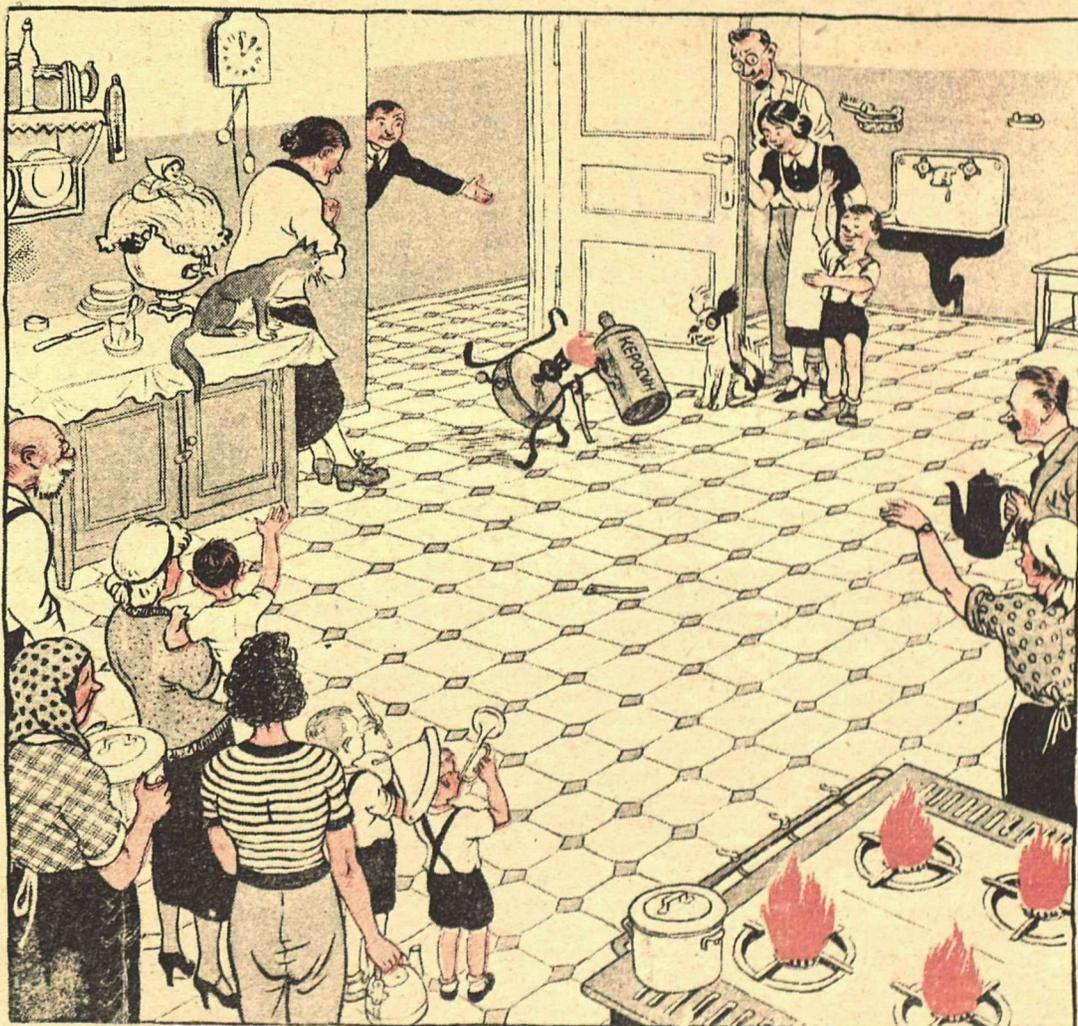

Рис. И. Семёнова

САРАТОВСКИЙ ГАЗ В МОСКВЕ

Проводы ветерана кухни.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПРИЗНАК

- Что это за колонна без музыки идёт?
- Секция массовых жанров союза композиторов.

ПОЗДРАВИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО

— И ПРЕЖДЕ всего надо написать за границу, — говорит Наташа и вызывающе смотрит на брата. — Что? По-твоему, если человек живёт там сто лет, то можно бросить его на произвол судьбы? Чтоб он оторвался от родины, да?

Серёже хочется построить свой ответ исчерпывающе и логично, по-мужски, в противовес этим стопроцентным женским преувеличениям.

— Во-первых, — говорит он веско, — он не человек, а пока ещё мальчик; во-вторых, он там живёт как раз на девяносто девять лет меньше, чем ты говоришь, и, в-третьих, Петька никогда в жизни не оторвётся. А самое главное, я терпеть не могу писать писем, и ты это отлично знаешь. Ну, напишем: «Поздравляем тебя с двадцать девятой годовщиной...» А дальше что?

— Как «что»?! — возмущается Наташа. — Опишем ему парад, иллюминацию, фейерверк.

— Интересно! Ты письмо хочешь писать сейчас, а как же ты будешь описывать парад, который ещё только будет?

Наташа поднимает брови и говорит холодно:

— Очень просто. Опишу ему немного прошлый парад, немного физкультурный, День авиации и финальный матч. И ещё, как мы ходили в Большой театр. Вот и получится очень интересно. И он поймёт, как мы здесь празднуем. И pošлю ему твою карточку. Он тебя ещё не видел суворовцем. И будет великолепное поздравительное письмо.

Великолепное письмо, посланное авиапочтой, приходит как раз вовремя, шестого ноября, накануне праздника.

Секретарь торгпредства, молодой деятельный человек, для чужих — мистер Хмурофф, для своих — просто Ванечка, радуется письму первый и несёт его в квартиру, где живёт Петя. Петина квартира на втором этаже в том же доме, окнами на улицу.

Секретарь целый день корректно и правильно говорит на двух чужих языках и очень доволен, когда ему представляется случай поболтать с Петей. Он стучится, входит и, помахивая конвертом над головой, говорит:

— А кого-то я сейчас заставлю плясать качучу!

Это из дальнего прошлого. Когда Ванечка учился ещё в институте, у себя в Москве, принято было именно так сообщать о письмах, хотя каждый раз и говорились, что это глупо.

Так как в комнате нет никого, кроме Пети, и подобное фамильярное отношение со стороны секретаря в этом доме, и даже во всём этом городе, может быть допущено только к нему, Петя взвизгивает и отплясывает вокруг Ванечки танец диких.

— Из дома?

— Из дома, из Москвы. Чувствуешь, как пахнет? Первым снежком, праздником, Москвой! Не чувствуешь? Ничего ты, брат, не понимаешь. Смотри, так и написано — Петру Андреевичу, в скобках — Пете. По-лучай!

Человек, который сто лет живёт за границей и которому наднях исполнилось одиннадцать, с ногами залезает на диван и впивается в письмо. Когда приезжает домой его мать Ирина Фёдоровна, он, захлёбываясь, читает ей вслух, и у него от волнения горят уши. Отцу он читает письмо уже почти наизусть. Ничего нового в этом письме нет. Например, физкультурный парад он видел в кино даже целых три раза. Но совсем другое дело, когда из Москвы, из дома, об этом пишут лично ему. Фотографию Серёжи в форме суворовца он разглядывает долго и сосредоточенно и вздыхает.

На другой день, когда к нему в гости приходят его знакомые, сын

и дочь одного доктора — Артур и Эмми, он говорит очень вежливо, безукоризненно выговаривая слова:

— Хау ду ю ду, Эмми, хау ду ю ду, Артур. Если вы хотите, я могу вам рассказать про то, что сегодня было у нас на Красной площади.

— Уэр? Где именно? — удивляется Эмми.

— Там, эт хом, у нас дома, — поясняет Петя. — Вы понимаете, все, все люди, и большие, и маленькие, и вообще всякие, вышли на улицы и пошли на Красную площадь! Но самые первые шли вот такие мальчики, как мы с вами, Артур. И вот в такой форме, — он показывает фотографию Серёжи и говорит с твёрдой уверенностью: — Этот мальчик через некоторое время будет генералом.

— Ого! — вежливо удивляется Артур.

— Да. Они шли по площади и все, как один, смотрели направо! И я тоже шёл бы и смотрел бы... — он опять вздыхает и сурово хмурится. — Когда я был совершенно маленьким, куайт, куайт литл бэби, мой отец нёс меня по площади на плече.

— О-о-о!

— Да. А сегодня после мальчиков шли солдаты, а потом матросы, они все, как один, размахивали руками в белых перчатках, вот так: ррраз-два! О, Эмми, ай бэг ю пардон! А за ними ехали кавалеристы! Ох, какие у них лошади! Хорс, — по-русски будет — конь.

— Конни?

— Вроде этого... — Петя вспоминает письмо и говорит наизусть с пафосом: — По небу с шумом пронеслись самолёты, по площади оглушительно грохотали танки, а вечером в Большом театре шла опера «Иван Сусанин», все слушали, а в антракте ели мороженое. О, зэт из сплэндид! Это так великолепно!

И он рассказывает про Ивана Сусанина и про финальный матч, как будто он только вчера побывал в самой давке возле горяча любимого стадиона «Динамо», и у него опять горят уши и блестят глаза.

— О-о-о! — удивляются Артур и Эмми. — Зэт из сплэндид!

Собираясь на торжественный вечер в посольство, Ирина Фёдоровна замечает вдруг петин несчастное лицо:

— Не огорчайся, Петушок, ты же знаешь, что маленьким туда нельзя.

— Мне и не надо, — жалостным голосом тянет Петя. — Да-а, все люди в Москве живу-ут, все люди парад видели, все люди на Ди... Динамо были... И только мы какие-то несчастные... за... заграничные!..

Немного погодя Ирина Фёдоровна с мужем и молодой человек, секретарь Ванечка, едут к себе в посольство, где сегодня торжество, и Ирина Фёдоровна говорит голосом, очень похожим на жалостный петин голос:

— Да-а, а помните, когда колонна уже пройдёт по Красной площади и спускается вниз позади Василия Блаженного? Помните, какая-то радость всегда особенная! Легко, весело, чудесно! И — кто куда! Кто прямо через мост, в Замоскворечье, кто направо по набережной... Вы, Ванечка, как ходили, по Большой Ордынке?

— Иес, миссис Ирэна, даун зи стрит Биг Ордынка! — смеётся секретарь Ванечка.

— А мы на Биг Полянке живём, — задумчиво говорит Ирина Фёдоровна. — Знаете, новый красивый дом на углу? Так мы как раз там. Сегодня у нас оттуда вся демонстрация, как на ладони...

Машина останавливается у залитого светом подъезда посольства, над которым сегодня атласной волной переливается красный флаг.

В. КАРБОВСКАЯ

Свежа октябрьская погода,
Знамена алые горят;
Не отставая от народа,
Поэты вышли на парад.
Ревёт оркестр, гремит «Каховка»;
Кой-кто под джаз
Пустился в пляс...
Затор в колоннах.
Остановка.
Вот тут и познакомим вас!

Москва певцов не раз видала
В часы удач и неудач...
Вот у оркестра запедала —
Василий Лебедев-Кумач;
В семье, на съезде, на параде
Стихи его нашли приют;
В кино, в театре, на эстраде,
И просто так его поют.
И юмор он не забывает —
Сей юноша из стариков;
С ним фронтовую запедал
Суровый Алексей Сурков;
Поёт про то, поёт про это,
Про битвы в памятном году...
И «Огонёк» и «Литгазету»
Поэт читает на ходу.
То ли смоленский,
То ль московский,
Но Родине своей знаком —
Поёт Михайла Исаковский
Своим приятным тенорком.
Вот — дядя самых строгих правил —
Шагает Антокольский Павел.
(Его в интимный уголок
А. Блок чуть-чуть не уволок!)
Вот Инбер со стихом чеканным
Невозмутимости полна,
Ведь «Пулковским меридианом»,
И как щитом и как тараном,
От критиков защищена.
Твардовский с «Тёркиным» не строги:
Идут лукавой стороной;
И в праздник в «Доме у дороги»
Тряхнут солдаты стариной!
Высок, наряжен, чист и ясен,
С оравой зайцев и волков,
Несёт в толпу
Собрание басен
Сергей Эзопыч Михалков.
Вот Далматовский с «Вальсом венским»
(Или рязанским, — смутен слог!),
Вот Н. Асеев с Безыменским
(На стих повесили замок!).
Артиллеристов и пехоту
Светлов пиесой оглушил:
Он «Бранденбургские ворота»
К воротам Красным притащил!
Софронов, песню украшая,
На барабан тяжёлый встал...
Он не поёт, нет, он вещает...
Ах, краснота! мой, краснота!
Идёт сатиры строй столичный;
Вплетают шутки в шум людской,
Дует Слободско-Дыховичный
И Дыховично-Слободской.
Юнцы безусые и дяди —
Ну, словом, наша вся семья, —
Все нынче в сборе, на параде.
(Там, где сатира, там и я!)

Страной любимой согреты,
Вливаясь в общую струю,
Идут московские поэты
С октябрьским рапортом в струю.
Лишь Пастернак — опять вне строя,
Кричит из форточки детворе:
— Скажите, милые, какое
Тысячелетие на дворе?
За детвору ответ находим,
И вторит нам оркестров гром:
— В тысячелетие наше входим
Двадцать

девятым

Октябрём!

Иван МОЛЧАНОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 20 коп. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва. Изд. № 636.

Подписано к печати 30/X 1946 г.

Статформат 72×105 см. Печ. л. 2.

Кол. зв. в 1 печ. л. 78 000.

А 08617.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

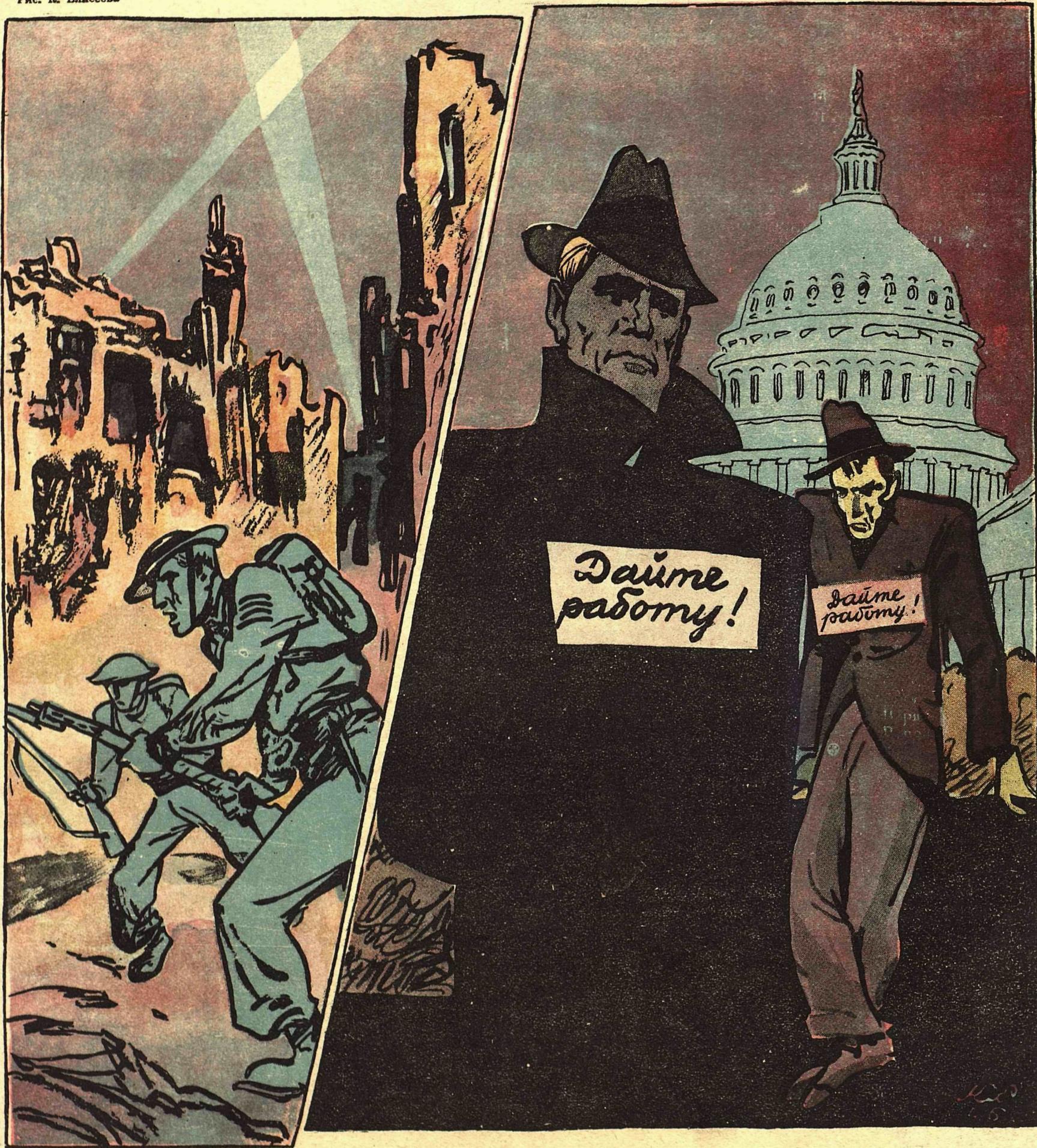
Тираж 150 000 экз.

Заказ № 2447

ВСЕСОЮЗНАЯ
КНИЖКА
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
1946 г.

Управление по делам ветеранов заявило, что в настоящее время в США насчитывается более трёх миллионов безработных, среди которых один миллион ветеранов войны.

Рис. К. Елисева.

ИЗ БИОГРАФИИ РАЗВЕДЧИКА ДЖОНА ГАРРИСА

1944 г. Ночной поиск.

1946 г. Дневной поиск.